

Дмитрий Богославский

«Мои руки»

Монолог в четырех стенах.

Действующие лица:

Мужчина (около 50-55 лет)

(Тюремная камера. На табурете у стола сидит мужчина)

Мужчина: Своими руками... я же их вот этими вот руками...

Я ведь никогда и подумать не мог, что так произойдет такое. Думал, не случится этого со мной никогда,... думал, обойдет лихая стороной - не даст греху на душу упасть... вот тебе и профсоюз и выслуга лет Людка... Я, Людка, знаю, что слышишь меня, знаю,... оттого и говорю с тобой. Чего же ты зараза молчала-то а? Лучше б ушла от меня совсем, и Витальку бы забрала, я б к нему по выходным приезжал... с конфетами там... да с какими конфетами, уже 26 лет Витальке... было б... Людка... Людка... Людка... как же это... ведь нет теперь рядом ни кого?...

(Встает. Медленно ходит по камере)

Мужчина: Руки, мои руки... как же вы-то... руки мои... как же вы так могли? Вы же мне все в жизни дали... и забрали вы ... Я же их своими руками... своими руками...

Дед мне всегда говорил, что руками можно и хлеб жать и кровь проливать. Я всю жизнь, Людка, всю жизнь хлеб жал, что бы ты жила нормально, чтобы дети, чтобы достаток, чтоб тебе эти побрякушки на праздники, да летом к морю, а теперь...

Ты там прости меня, я же... сама понимаешь, чтоб не того совсем... прости...

Надо было по-другому как-то,... поговорили бы,... а теперь-то как же?... Этот твой чижик тоже пусть простит меня... я ему, потом много лишнего наговорил, но это не со зла... врачи говорят, аффект это называется,... а я вот не знаю, как... не знаю, как называется... пелена перед глазами, черт подери, вот как это называется!.. Он может и не сознается тебе на том свете-то, Людк,... чтоб не осрамиться перед тобой... да может и мне не стоит тебе об этом говорить,... но все-таки правду знать тебе надо, чтобы между нами никаких недомолвок не было после... да... в общем, это... сказать тебе надо... только как это сказать... повесил... его... ага... за тебя...

(Тишина)

Мужчина: *(Зло)* Да и что же он паскудник на чужую жену-то полез? Что ему не мужних баб мало, или он эстет какой, Людка, а? Любитель экзотики...

Эх,... сучка не захочет, кабель не вскочит, Людка,... но я тебя могу понять... хоть и зубы у меня скрипят, но могу,... клянусь тебе, что могу!.. Я-то знаю, что постарел я за последние годы. Да и ты сама знаешь, давно уже на разных боках спим,.. постарел... как Витальки не стало – сразу-то... постарел... не могу я без него... скучаю... *(указывая на грудь)* вот тут, вот тут щемит и тоска окаянная накатывает... пустота, Людка... а теперь-то уж совсем не вмоготу.

Может, и надо было его отмазать, может, ты и права была, когда в ногах у меня валялась, когда вымаливала меня Захаренко позвонить? Эх,... да я и сам понимал, что Толька не откажет и денег даже не возьмет. Но пойми ты меня, пойми и прости, ведь я не о деньгах тогда думал, я другого хотел, хотел, чтоб он мужиком там стал, чтоб понял что жизнь и не так как в училище бить может... а он... он же 6 дней на КМБ пробыл... 6 дней, а потом в цинке его привезли... и не могло у него сердце... остановиться... ты же сама в окошко это видела... у него кровоподтеки на шее... видела ведь?...

(Тишина)

Людочка, светик мой семицветик, прости ты меня за Витальку, я-то себя простить не могу. Но не знал я! Не знал, что так выйдет,... Кто же знал, Людочка, голубка ты моя, кто же знал, а? Прости ты меня, ведь уверен, что при жизни не простила. Сейчас хоть прости, чтоб успокоился я,... хоть немного успокоился.

(Садиться на пол спиной к стене. Тишина)

Мужчина: Не могу без него,... как улыбку его вспомню, к горлу подкатывает что-то глаза тоже... слезами... он же маленький так на тебя похож был... «Давай, папочка маме завтрак приготовим, а сами спрячемся, она по дому ходит – нет нас! Сядет завтракать, а мы ей из шкафа – Приятного аппетита!!!»...

«Доброе утро, папочка-папуля, иди брейся, а потом я тебя поцелую, - А почему не сразу?, - А ты колешься!, - А маму ты уже поцеловал?, - Да!, - Крепко?, - Крепко-крепко!!!, - А как это крепко?, - А вот так!!! Фуф, заговорил ты меня, вот я тебя небритого и поцеловал! Хитрый ты!, - Не хитрее тебя!, - Это почему это?, - А ведь сам говорил – крепко-крепко, а поцеловал как девчонка!, - Кто как девчонка, я как девчонка? Ну, папулечка – держись!!!»...

(Закрывает лицо руками. Тишина)

Мужчина: И без тебя Людка не могу,... думаю про тебя постоянно... и о тебе постоянно думаю, и не выходишь из головы никак... и пытаюсь не думать, а все равно о тебе мысли постоянно, да о Витальке... тяжело тут... аж трясет. Ненавижу,... ночи эти ненавижу! Стены эти ненавижу! Дверь эту ненавижу! Темно, пусто, за стеной стучат, а я не знаю чего от меня хотят, да и знать не хочу, не родня они мне, никто они! Я с детства всю эту контру ненавижу, грабят, убивают, насилуют. Хотя день, они хоть один денек работали в жизни своей?.. Руками своими они хоть что-то сделали?... А теперь-то что?.. Ох, не зря говорят в народе, что от сумы да от... не зарекаются. А я что зарекался? Да я думать не думывал, что из этих стен буду с тобой разговоры водить! (*смотрит на руки*) Да и они разве думали...

Эх, руки мои... руки... не хотел, видит Бог - не хотел я этого! вы, что ли родные мои, хотели?.. разум помутился,... а душой я ни как этого не хотел... вы этого хотели?.. А? Молчите? Дрожите только,... да и что вам говорить, когда вижу, что сами не хотели...

Я же этими руками чего только самого положительного не делал, хорошего в плане, я же мухи этими руками в жизни не обидел... как же вы, а? Как так случилось?... Ужель вы руки не мои совсем?..

Нет, мои! Я каждую щербинку, каждый шрам на вас знаю, мои вы. Так как же так получилось?... Молчите?... Молчите...

Я Людка знаешь чего решил?... я... в общем... я расстрела решил просить... сам буду просить. Не знаю, как, что обернется, но в этом уверен я. Не надо мне адвокатов этих скользких... не хочу я с ними дел иметь. Я их как вижу, меня такое отвращение к ним берет. Ведь нельзя же на чужих бедах своего счастья-то сделать. Это ж паскудство. А тут ведут меня к одному, сладенький весь такой, костюм верно тысячу долларов стоит, оправа золотая, часы видать с бриллиантами, а на морде большими буквами написано – прощельга. Здравствуй, говорит Сергей Семёныч, как вас тут содержат, вовремя ли кормят, охрана не придирается? Нет, говорю, а вы собственно кто? Я говорит... Лин... Лис... забыл. Короче Либерман какой-то или что-то из этих, частный адвокат говорит, и весь собственно к моим услугам. Я думал его Сашка Терещенко прислал, у того связей-то хватает, а он говорит - нет, мол, сам узнал о вашем горе и решил предложить вам свои услуги. Улыбается. Сука. Тут-то я и понял, из чего эта братия сложена. Говорю: ишь как у вас всё интересно получается. На поток поставлено практически: прокурор о горе моем узнает и вам в жилеточку выплакивает всю боль свою о трудовом народе в обмен на грязные, замозоленные деньги этого самого же народа, которые вы, мой дорогой мальчик примите от нашего брата без какого либо угрызения совести.

У них тут мафия своя! О горе он моем узнал, гнида! Так слышишь, Людк, он обиделся, сученок. Ага, губы надул, исподлобья смотрит. Взрослый сразу стал. Говорит, мол, нет у меня такого права честных людей грязью поливать,

мы говорит, работу свою всегда выполняем очень профессионально, и в первую очередь думаем об интересах своего клиента, а уж потом о собственной выгоде. Поэтому, говорит, можно и минимум срока выбить, да и дело тут, в принципе, понятное, можно вообще обойтись малой кровью. Да только я не пацан сопливый, я ж давно знаю, что альтруистов в жизни нет, может быть в книжках или в кино, но не в жизни. А он мне про интересы? Учить меня вздумал? Пацан ведь еще совсем, я ему 30 и то с натяжкой дам, а у него уже совести как у канарейки... мозгов... и с каждым днем все меньше и меньше. Малой кровью, говоришь? Твоей что ли? Кровопийца малолетний!

Это куда ж профессора их смотрят, когда дипломы этим тварям холоднокровным выдают, государство куда смотрит? Ведь куда ни плюнь всем бы нажиться, и чтоб полегче, подешевле, некоторым вообще на халяву, и чтоб безнаказанно! А если ты еще деньги зарабатываешь, наживаясь на чужом горе – это вообще шик, высший пилотаж, тебе завидуют, тебя лизжут, о тебе шепотом говорят. Уважение! Признание! Преклонение! И знаешь Людка, что самое интересное? Упреков эти твари не терпят, и не прощают этих упреков...

(Тишина)

Мужчина: Эх... их может тоже понять можно, и им есть хочется, но не могу я этого понять, когда я всю жизнь вот этими руками пахал, точил, резал, когда от того что я пашу и режу мне есть-то и хочется. Но ведь все равно лучший кусок всегда вам приносил, а им от чего есть хочется, или у них семеро по лавкам? Думаю, что нет. Да и не делятся они ни с кем, у них жадность еще с мамкиным молоком, наверно, привита. Или может быть, они голодают? От чего они голодают, они же жрут нас постоянно, без остановки? И что это за прожорливая прослойка населения, что жрет она больше чем работники одной угольной шахты вместе взятые? И того что они жрут, на шахте я думаю даже директор не пробовал... А ты Людка не смей о них больше думать. Этот бы тебя тоже поматросил и бросил. До них не дотянуться ни тут, ни там... тебе и тут всего хватало, и на Кипре ты была, и бабы твои от шмоток твоих аж синели от зависти, и работать я тебе запрещал, каталась в общем как сыр в масле. Эх...

Ладно, мне из этих стен правосудия не вершить, а им к нашему сожалению...

(Тишина. Долго курит)

Мужчина: Не могу без вас, Людка... а если расстрела не дадут, так я вот этими вот руками, Людка... руки на себя наложу... И встретимся там, да, встретимся, и по-прежнему все будет,.. а Виталька с тобой уже?..

(Тишина)

Мужчина: Небось встретились уже... расцеловались... рассказал наверное, как было-то все... Ну, а ты мне не говори, потому как я уже скоро к вам. Да, решено, всё, баста. Как сказал, так и будет. Я уже настроен полностью.

Людка, я вот тут думаю постоянно,... если б Союз не развалился, Виталька живой бы... ну, ты понимаешь,... живой бы был? Это ведь у них, там, наверху, просто все: «простите, но союза уже нет, а вы молодой человек - гражданин уже совсем другого государства, и к нашему глубочайшему сожалению диплом вам выдать мы не можем»... это ж надо так, а? Твари, с четвертого курса без диплома домой за семьсот верст пацана отправить,... что же это за государство, так бескорыстно оберегающее незащищенные наши слои населения?... Если б Союз еще пару лет... Если б диплом получил, может быть он, Людка, и не пошел бы в эту армию... да и не в цинке бы домой приехал, Людка? Может он на завод пошел, закрепился бы там, мы б помогали ему, он ведь парень с головой был... был... был, Виталька... ну уже скоро... скоро встретимся...

(Тишина. Рассматривает руки)

Мужчина: Чего ж вы мозолины-то смотрите? Чего ж, а? Вы мои - я ваш, чего вам не понятного? Лупитесь чего, спрашиваю, как глаза вороньи? Вы это, вы всё... и что ж мне теперь лобызать вас, когда вы мне жену-то... того... и меня, вон, под черту подвели...

Руками-то всё в жизни делается,... как же я сразу не схватил этого... бумажку рукой подписал – на расстрел отвели... рычажок, опять-таки, рукой повернул – поезд с рельсов и сошел,... а хочешь, подписал бумажку, потом еще и рычажок повернул и сто тысяч человек гуманитарную помощь получили... только ни кто почему-то не хочет... Шибко все хотят, чтоб деньги от гуманитарной помощи в карман, а свидетелей,... а свидетелей – рычажок повернул, и... я как глаза закрою у меня перед глазами чижик твой висит... ты и сама все понимаешь... ну, я уж скоро... поговорим там... скоро уж...

Следователь вон мой говорит, что устал очень, в отпуск говорит, хочу, и что по нашему делу вроде все понятно и быстро закончат, я уж и поспешать его не думаю, по нему и так видно, что он и по буграм и по выбоинам лишь бы скорей. Ой, Людка, видела б ты его. Худющий как наш Цезарь, только усов нет, да и перед ногами не ластится... молодой,... а глаза тусклые уже... на Витальку чем-то похож... Мы с ним, как-то, про жизнь говорить стали, да. И он так интересно говорит. Говорит, мол, за день так набегаясь - еле на ногах к вечеру стоишь. Сядешь в автобусе, а тут женщина какая-нибудь заходит, и ведь можно голову отвернуть в окно и вид сделать, что не

замечаешь ее совсем, но ты же в форме, говорит, форма-то обязывает. И встает, и место ей уступает, а сам, говорит, в этот момент работу свою больше всего ненавидет, ... хотя и любит ее очень... хороший он парень...

У меня тоже спрашивал, что я больше всего ненавижу. Я долго думал. А он почему-то смотрел на меня... смотрел. Казалось, что дырку во мне просмотрит. Но не зло смотрел... не зло... С интересом как-то... ждал, что я отвечу... неделю бы ждал наверное. А я молчал. Взгляд его чувствую и молчу...

Обман. Я обман Людка не люблю. Ты не подумай, что я тебя за обман, из ревности, что ли... Ты же знаешь, не мог я тебя убить, ты же все для меня... ты упала как-то... И как же я это толкнул так тебя, не могу в толк взять. Уже лучше бы ударил...

(Тишина. Всклипы)

Я за всю жизнь первый раз на тебя руку поднял, Людочка. Не мог я тебя бить, и причин не было, да и вообще ты для меня всегда чем-то недостижимым была. Я ж деревенский и городскую-то заарканил... Мне ж пол деревни завидовало. А я фраером, да в городских туфельках с тобой под ручку прохаживаюсь. В клуб тебя вожу, вином пою, ферму нашу показываю. И все для тебя, на ципочках ведь перед тобой все жизнь, да все кругами, кругами. Того надо? Будет! Этого? Сделаю! Еще что-то? Достану!

А кровать эту я не хотел покупать, говорил же, и опять тебе об этом говорю – не хотел! Мы и на диване прекрасно помещались, а ты все спальню как в фильмах хотела – чтоб светильники да тумбочки... шкаф зеркальный...

(Встает, ходит по камере)

Мужчина: Людка, я, когда чижика твоего в гараже повесил, опять в спальню вернулся, а ты лежишь на ковре, спокойная такая. А я на кровать эту проклятую сел... Долго сидел. И тут, ты знаешь, чувствую соль на губах, и вот когда головой понял что плачу так аж навзрыд, захлеб аж расплакался. И такая пустота пришла ко мне, я и описать не могу ее. Звенит в ушах, и только всклипы свои с хрипами слышу. А голову как повернул... голову,... повернул, а на углу кровати... кровь твоя запеклась... и волосы... твои... на углу... вместе с кровью запеклись. И я их, как увидел меня как будто наизнанку выворачивать стало, руки затряслись,... думал ведь выплакал все,... куда там... льется ручьями слеза проклятая, Людка. И руки успокоить не могу – дрожат, будто только что поле ими перепахал. Понимаешь, руки дрожат? Я первый раз их такими увидел... слышишь, Людка, первый раз... похудели, пальцы длинные, белые, как у смерти... как сама смерть и... и... и будто смотрят на меня. И я же Людка вижу, как пальцы дрожат, как вены пульсируют – живые руки, и Виталька стоит перед глазами и крестится,

быстро-быстро так крестится. Тут-то я из дома выбежал и, как воздуха глотнул, меня прямо на пороге и вытошнило...

Чего это Виталька ко мне приходил? Неужели почувствовал оттуда, что беда с нами приключилась? Людка... ты это... может, ты знаешь, Виталька-то тут причем?.. Хотя я сам, сам спрошу... скоро уж.

(Закуривает. Тишина)

Мужчина: Я с детства обмана не люблю, и хоть об обмане твоим знал... не ожидал я, что ты его в нашу постель приведешь. Но я, Людочка простил тебя... и ты меня прости, видит Бог не хотел я. Я не обманывал тебя никогда... я серьезней тебя,... что ли... не знаю,... но и бабка мне говорила, что я рано повзрослел.

Не обманывал я тебя. Не умею я этого... ненаучен совсем. Я клятву себе дал - не врать! И держу ее до сих пор. С 15 лет держу, Людка...

Меня бабка с дедом вырастили. А потом, как я девять классов окончил, и они меня в город в ПТУ отправили, так мне там тетка все правду и рассказала. Вот я и клятву себе дал...

Я-то всю жизнь думал, что меня родные мои бабушка и дедушка воспитывают,... а тут...

Не говорил я этого никому... В общем, не бабушка с дедушкой они мне,... а чужие люди. И родители мои не в аварии разбились, а в сарае на самогонном аппарате взорвались потому, как с утра трубы горели и руки тряслись. И не в том обман, что меня соседи, чужие мне люди, воспитали, а говорили, что они мои бабушка и дедушка, а в том, что я в паспорте как Григорьев записан, а кровь во мне бежит совсем другого рода и кто я на самом деле не знаю. И обманываться не хочу! И решить не могу! Когда в ПТУ выговоры мне давали, кому их давали? Мне давали - Григорьеву, или Карповичу которым я по крови считаюсь? А когда первое место в области по поднятию гири взял, газеты о ком писали? О Григорьеве? Но я же хотел, чтобы меня чествовали, Карповича, а не Григорьева этого,... а потом я, Людка, понял, что обманываю себя с кровью этой. Ведь какая разница Карпович – Григорьев, не от фамилии человек растет, а от воспитания, которое ему дали, которое в нем с самого маленького расточка пробивается и всю жизнь делами его подпитывается и оттого мыслям его чистоту дает. И понял я, что это не соседи мои, не чужие мне люди. Ведь они мне все дали. Я им всем обязан. И потому на могилу к ним не просто так езжу.

А в гены эти я не верю, ведь не спился же я как отец с матерью. Вон, по телевизору говорят вероятность, зато большая - и в любой момент пить начнешь. Так чего же не начал-то? Я что, Витальку, когда похоронил, запил? Хрен там, потому что не тот я человек, потому что не на то всю жизнь смотрел и не о том мне говорили! Я от других брал, что мне надо, а то, что мне надо - это мне с самого детства привили.

Человек, я считаю, сам себя строит, по кирпичику, и процесс этот очень трудоемкий и времени и сил требует. Ты хоть раз видела, чтоб овощи сами росли? Нет. И я нет. Потому как за ними ухаживать надо, подкормки там разные и все такое, а человек что? Ему тоже подкормки нужны. Он, конечно, огурец какой-нибудь и сам вырасти может, да только вырастит сморщенный или горький, а с подкормками другой разговор. Только человек за подкормки сам отвечать должен, что попало жрать нельзя, понос будет или того хуже. Так что, как себя построишь, так и жить будешь, в этом я точно уверен. Будешь себя из отбросов строить, так и жить будешь, так к тебе и относиться будут. Вон видела, наверно, бритые со свастикой бегают? А еще каких-нибудь пару лет назад они за школьной партией про Сталинград проходили и про Курскую дугу, и дедушек своих на 9 мая в школу звали. И у каждого, ведь у каждого был момент, когда их гордость за свою страну переполняла. Не знаю когда, но уверен, что был. На салюте, или, когда на олимпиаде флаг наш поднимают и гимн звучит.

А когда дед на колени тебя посадит, и ты на него в шутку автоматик свой пластмассовый наведешь и «тра-та-та», он тебе пальцем погрозит и скажет что в людей нельзя стрелять. А ты глаза его в этот момент видела? Видела, что в них происходит? Он же молиться за тебя готов до смерти. Да если хочешь, он прямо сейчас жизнь свою отдаст, лишь бы ты, пацаненок, или девчушка, не увидел того, что ему, к сожалению, пришлось пережить, а они сукины дети по всему городу со свастиками ходят, и на своих же дедов плюют. А все оттого, что государство им фундамент немного подмыло, они строили-строили, кто до первого класса, кто до пятого, кто до десятого, а потом фундамент немного так «бац!» – кирпичики его личности и вниз посыпались. А кто постарше у тех вообще все разрушилось. Многие конечно, как они любят говорить, вздохнули свободно, только вот чем вздохнули? Что воздух изменился? Нет! И я в этом уверен, потому что вместе с этими людьми в одной стране в этот момент был!.. Мы потеряли, больше чем нашли,... хотя людям это свойственно...

(Ложится на нары)

Мужчина: Устал. Я бы спал Людка, да не даешь ты мне покою. И когда дашь, спросить хочется, да только ты, видать, и сама ответа не знаешь. Ой, Людка, Людка... Чижик твой объявился там или не кажется на глаза тебе? Лучше пусть не кажется. Я б его на пушечный выстрел к тебе не пускал. Он, представь, в гараже на табуреточке стоит и прости ты меня Людка за слова мои, но штаны у него мокрые, а он говорит, что все еще можно уладить. Уладить, слышишь? Улаживать он что-то хотел! Да что ж он со мной улаживать хотел, когда я без семьи остался? Нет ведь больше семьи. И не будет. Все, нет у меня больше никого. Пусто.

Нет, говорю, не пойдет так, что ты уладить собрался, как ты мне Людку вернешь? Невиноват я, ты ж сам ее толкнул, я-то тут причем? Отпусти ты меня, говорит, я молчать буду, клянусь - могила.

Туда тебе и дорога говорю... Стой!..

(Резко вскакивает)

Мужчина: ... Орет, плачет, трясется весь... Ух жабья твоя порода, а на бабу чужую не страшно тебе лезть было? Что сопли распустил, испугался? А ты не бойся, умирать не страшно, страшно то, что ты сейчас язык свой вывалишь, и рожа у тебя будет не из самых приятных, а точнее совсем не приятная рожа у тебя будет. И тут знаешь, что самое неприятное? Тебе с этой рожей, с апостолом Петром разговоры разговаривать. Только ты там не стесняйся, ты ему правду скажи – обоссался я дядечка от страха, потому как не думал так рано с вами встречаться, но на беду, на чужую бабу влез, а муж ее видать неуравновешенным оказался и меня по слабости ума своего повесил. Да не рыпайся ты, чижик, эти руки и не таких как ты с одного удара землю обнимать заставляли, тихо говорю, жаба, а то вот этими руками задавлю!.. Что, думаешь, многих я этими руками убил? Ты первый будешь. Что глаза выпучил, ты первый говорю,.. не веришь, вижу, чем поклясться? Вот ты, чем бы поклялся? Чем? Жизнью? Родными?.. А мне теперь чем клясться, скажи мне, чем? У меня больше никого нет... У меня больше никого нет... У меня нет... никого... никого, тварь!

(Мечется по камере. Садится)

Мужчина: Я этими руками еще никого не убил. Слышишь, ты? Никого, ты первый. Я правду тебе тогда говорил. У меня руки не для того чтоб жизни лишать... Не вру я. Я может быть всю жизнь думал, что они мне Богом даны, ведь многие руки мои ценят, многие обращаются ко мне и не отказываю никому, потому как руки Богом даны и людям добро обязаны делать.

Если б я мог, руки б мои могли, я бы не довел... да что я тут несу? Господи, что со мной? Я же тут один. Никого тут нет и не с кем тут говорить, не с кем!.. А ты веришь чижик, я вот иногда глаза твои как увижу... Так, стоп. Спокойно. Я просто устал, я ведь не спал уже несколько ночей. Надо отдохнуть... все, надо отдохнуть... Но я не знаю, поверил ты мне тогда или нет?! Но ты прости меня, чижик, ради Христа прости!..

Та-а-к, все! И покоя не найти в стенах этих... Слышь, Людк, уж всех вас простил, а? Мне теперь только вашего прощения дожидаться осталось... Ох, не думал я, что смогу вот так. Знак мне подайте какой-нибудь, или еще что... чтоб я понял простили вы меня или... Простите меня... Христа ради простите, простите... С-с-с-с-с... Все, отдохнуть, хоть чуть-чуть... малек хоть покемарить надо... *(шепотом)* Простите... слышите меня... простите...

(Пытается устроиться на нарах. Долго ворочается)

Мужчина: День... Какой сегодня день?.. Сегодня уже ночь. Все, спи.

(Опять ворочается. Тишина)

Мужчина: Людочка моя, я уж и дням тут счет потерял. Один за одним бегут, как мысли,.. как и воспоминания. И остановить не могу их. Отбросить. Отшвырнуть от себя. Не могу уж думать об этом всем. Как мне мысли приручить, как заставить их не лезть в башку мне, как их выбить из башки-то моей? Что ж мне теперь и покоя что ли не будет? Не должно так быть, ведь раскаиваюсь я. Я ж с чистым сердцем-то прошу, простите меня, прошу вас. Я ж теперь как чумной совсем стал. Простите. Я же приду к вам скоро, так что вы простите, чтобы я там себя как-то полегче чувствовал, что ли...

(Тишина)

Мужчина: Что же это... всё? Получается, пожил на свете белом? И ни кто теперь не вспомнит меня. И что получается, если меня не вспомнит никто, так это я получается, всю жизнь никому и не нужен был? Я за зря жизнь прожил, если следа ни в чьем сердце-то не оставил?

Я ведь и не думал об этом никогда... но все-таки любой человек уверен, что свой след на земле оставит, что хоть кто-то добрым словом его вспомнит. И меня вспомнят, и, помянут тоже, не думаю, что б совсем никто не вспомнит. Да много кто вспомнит, много доброго я людям сделал,.. но ведь скажут: «был вот, и нет человека, вот тебе и судьба...». И все... ну, через год еще вспомнят, помянут, может и через два. И все. И нет меня больше в воспоминаниях людей... Ну, может только если у кого что-нибудь сломается, так скажут, что некому больше починить и так мельком вспомнят... про меня. И все. А мне конечно же икнется на том свете... Вот ведь гадость какая, а? Вот не думал! Я же смогу по икоте, на том свете считать сколько раз обо мне вспомнили. А может и видеть буду кто обо мне вспоминает-то... Это уже интересней. Посмотрим, кому я нужен был, а кто из-за породы своей крысячей передо мной лебезил. Уверен, что и такие были. Это ведь даже зазорным уже не считается.

Пожил, получается? А как же: «Страна должна знать своих героев в лицо», а?.. О, как. Круто взял! Как всегда со здоровой русской самокритикой! Герой! Спаситель, тудить его в качель... кому ты нужен?.. Страна должна знать,... а еще помнить должна... вечно помнить! Да только забывает...

Кто их знает теперь, этих героев? Дети сейчас биографии авторитетов всяких да олигархов знают лучше, чем героев, какой либо войны. Они ж с

первого класса начинают «по фене ботать», или как там это говорится... Да, вот и геройствуй...

Страна не только должна знать своих героев в лицо, но и помнить их всегда. Нет, не так. Страна героев, должна знать своих героев в лицо, и помнить о них вечно! Во, это мне нравится! Тут слышится наш неизменный патриотизм, который у нас не отобрать! Все отбери, землю жрать заставь, на коленях ползать, но отнять у нас патриотизм – не сможешь! Это во все времена известно было, потому что слово это для нас, как было непонятым, так и останется. А так как душа наша ко всему непонятному тянется, то слово иностранное «подбрили», а что толком оно «означат» уже и не важно. Только чуть что: Я Патриот!!!

А еще раньше воспитывали «дух здорового патриотизма», видать потому, что где-то воспитывали «дух больного патриотизма». Но видать больной патриотизм сильней оказался, потому что очень уж многие укатили «за кордон», но даже оттуда продолжают кричать о своем патриотизме, и что самое интересное – безмерно скучать по Родине. Скучать настолько, что набить морду официанту за отсутствие в меню русского борща в ресторане на Елисейских полях, является делом чести, ведь тебе даже за границей, как дверью детородный орган, ущемляют и ущемляют твой патриотизм. Причем там, они настолько восхваляют свою прекрасную родину, как будто готовятся ее продать... Хотя, скорее всего уже продали... Но все равно до сих пор кричат! А чего кричать-то? Это то же самое, если бы наши деды уехали в какую-нибудь Америку и оттуда кричали: «Немец-дурак, Россия непобедима», а детей и баб оставили дома. Так ведь нет! Они взяли винтовки, нацепили на их штык-ножы и пошли вперед. И я не говорю, что это истинный патриотизм, тут много обстоятельств скрыто, но это в тысячу раз сильнее... сильнее, по крайней мере для меня... и правильнее. А то весь наш патриотизм состоит лишь из двух очень конкретных понятий - эгоизма и национализма. Мрази...

Да и во что верить-то, в какие достижения и ценности своей родины? Ведь в большинстве своем, патриотизм рождается на малюсеньких кухнях после очередной бутылки паленой водки и все ценности сводятся к тому, что «у тебя нет, а у них есть». И все беды оттого, что ты родину свою очень любишь, а то давно б уже сделал что-нибудь такое, что просто выходит за рамки этой кухни, а если быть точным – попросту продал бы ее с потрохами и умотал куда-нибудь подальше. Рождается патриотизм и почти моментально умирает. А как ему выжить? У тебя же и кухня маленькая, и дети твои никогда моря не видели, и зарплата твоя равна шести бутылкам нормальной водки, хоть ты всю жизнь от станка и не отходил? И вот из-за этого необходимо воровство легализовать, чтоб труженик мог свое взять. Ведь маленький человек открыто не возьмет, да и много тоже не захапает. Он только то, что ему необходимо слямзит, пока никто не видел и успокоится. И поймет, что родина к нему благосклонна. У нас ведь воровство –

«национальная идея»! Только надо контроль все-таки усовершенствовать, чтоб много никто не мог брать, тем более сверху. А то и так гуманизм развели: один бюджетные средства разворовал ему условно дали, другой стог сена корове на зиму упер – два с половой в общем режиме отсиди. Пожалуйста, все для вас. Справедливость восторжествовала...

Ух, разошелся совсем, борец за справедливость... Слышь, Людка, опять вон, разговорился как? Покою потому что нету. Эх, Людка, ты б меня сейчас успокоила. Убаюкала. Помнишь, как ты Витальку в детстве убаюкивала? Сядешь на самый краешек кровати, одеяло поправишь. Посидишь минутку тихонько, нежно так, одним пальчиком, волосы за ухо приглаживаешь и поешь:

... Ой, люлюшки, люлюшки,
Прилетели гулюшки
Стали гули ворковать,
Стала детка засыпать...

(Встает. Закуривает)

Мужчина: Ой, горе... Людка... Я б выпил сейчас... Хоть рюмочку... может отлегло бы? А может быть и еще хуже станет...

...Люли, люли, люленьки,
Где вы, где вы, гуленьки?
Прилетайте на кровать,
Начинайте ворковать...

(Тишина)

Мужчина: ...Водку эту не угадаешь, как она на мозг сработает. Бывало, выпьешь грамм 100 и готов хоть в пляс идти, хоть горы свернуть. А иногда выпьешь и такое ощущение что из тебя сейчас душу вынули, как будто ты пустой в нутри. Выйдешь на крыльцо, сядешь, закуришь... Куришь, а глазами даже не моргаешь, рука только одна двигается, а ты сидишь не шелохнувшись и мыслей у тебя никаких. Пустая голова совсем. И сам себе такой маленький кажешься, сидишь один, а вокруг звезды и не просто сверху тебя, а они зараза прям вокруг, и из-за тополя вон выглядывают и на антенне сидят. Сейчас, ветер ее качнет они и попадают. Вон, видела, упала одна, не выдержала, сорвалась... вот ведь как...

И начинаешь думать о всяких там космических делах, как там у них что вращается, кто куда двигается. И понимаешь, что там так много места. Там можно столько всего наворотить. И поэтому сильнее вглядываешься в звезды. Может там уже кто-то и наворотил? Нет...

А небо,... наверное, только для астрономов небо одинаковое, а нам оно всегда разное, каждую ночь. Если бы оно одинаковое было, чего мы ему

каждый раз удивляемся тогда?.. Может, мы слишком редко голову вверх поднимаем?.. Привыкли с опущенной головой жить, как будто стыдимся чего-то, как будто не люди мы, а скоты загнанные... Нет, животное когда его в угол загоняют наоборот гордо смотрит, а мы... мы даже не животные, мы пресмыкающиеся. Мелкие мы, и даже те, что наглые и хамоватые и они пресмыкающиеся. Потому что у каждого есть перед кем пресмыкаться, у каждого кто-то сверху стоит. Даже у того кто на самом верху... все-таки и у него есть! И я в этом уверен, потому что и он пресмыкающееся, а значит должен пресмыкаться! Обязан пресмыкаться! Вот он истинный род человеческий. Хозяева земли, а сделать с этим мы ничегошеньки не можем! Торжествуй человек! Торжествуй человечество!

Мы даже космос покорили, чтобы от этого убежать, да только навсегда убежать не можем. Что ты думаешь, Гагарин или там Королев, они, что просто повыше взлететь хотели? Что у них просто желание было как птица парить? Нет, не просто у них желание как птица летать потому, что птица она свободой дышит, она однажды взлетела и свободу эту почувствовала, и не променяет ее ни за что теперь! И они свободы хотели, чтоб смыться подальше от этого всего, чтоб не видеть болота этого. В космос! В бесконечность! Чтоб никого не было на тысячи километров, ни души. И ты один, летишь, а вокруг звезды, да к тому же еще ближе, чем на крыльце, и до них можно почти дотянуться рукой. И они летают вокруг тебя, а ты вокруг них, вокруг вас свобода! И ты вздыхаешь полной грудью, и так тебе захотелось закричать на всю вселенную: «Э-ге-ге-гей!» И в этот момент ты постучишь в окно, иди, мол, спать, мол, уже поздно. И я понимаю, что я на крыльце. И начинаю наливать злостью: «ну что же ты, Людка, ешкин кот, ну спи, если тебе надо, что ты ко мне пристала?». Но все это про себя проговоришь, и заметишь, что сигарета уже истлела, и встаешь и с очень большой неохотой идешь в дом. А проходя мимо Виталькиной спальни, услышишь твое:

... Ой, люлюшки, люлюшки,
Прилетели гулюшки
Стали гули ворковать,
Стала детка засыпать...

... И сразу злость эта куда-то пропадает. Я останавливаюсь в дверях и тихо стою. Слушаю.

... Люли, люли, люленьки,
Где вы, где вы, гуленьки?
Прилетайте на кровать,
Начинайте ворковать.
Люли, люли, люленьки,
Прилетели гуленьки.
Сели в изголовьице -
Спи-ка на здоровьице.

Стали гули ворковать -
Стала детка засыпать...

... Если бы ты мне сейчас спела... я бы уснул. Может быть. Я что-то очень долго не спал. Не могу. Мучаюсь. Все хочу узнать простила ты меня или нет, а узнать этого никак не могу. Да и как узнать-то... Но я уже скоро, скоро к вам уже.

Как же гудит голова от этого спертого воздуха... Когда же это все закончится?.. Людка, я тебя простить меня прошу. Видишь же, что успокоится, не могу. Людочка, раскаиваюсь я о том,... раскаиваюсь. А о раскаянии думать не могу, потому что со всех сторон жизнь лезет в меня, и из меня тоже лезет. Поток прет, не могу остановить мысли эти. Как же так получается, что даже тут, где о раскаянии только и нужно думать, не может человек с проблемами своими совладать и переливает их из пустого в порожнее? Почему мы до этого дошли? Кто нас до этого довел?.. Кто нас из этого выведет?..

Почему меня окружает то, что мне совсем не нужно, почему я думаю о том, о чем думать сейчас мне не надо? Почему нас ставят в эти условия? Почему я даже в тюрьме должен думать о том, что твориться на воле, почему меня должны заботить всякие войны и политические интриги, коррупция и предательство, какой-то там патриотизм или малолетние фашисты? Я хочу раскаяться, я хочу прощения, я хочу спокойствия,... я хочу тишины в своей голове! Ти-ши-ны!

Глаза закрою – звенит тишина. Секунду всего звенит,... а потом опять все всплывает. Крутится, вертится,... и ведь даже поделиться не с кем. Мне просто рассказать надо, чтоб с души это как-то снять. Но ты не думай, что я только о себе думаю... я в жилетку плакаться не собираюсь, но ведь и мне надо кому-то выговориться... вот тебе, Людка, и выговариваюсь. Но я хочу видеть тебя, хочу, чтобы все как раньше... живая чтоб... и Виталька, и вместе мы... Помнишь как раньше было? Помнишь. И он помнит. И я помню. Да только мне теперь без вас эти воспоминания душу рвут от того что вас уже нет. А если вас нет то и я тут зачем, нечего мне тут делать без вас. Я же совсем один остался...

А почему ко мне никого не ведут? Почему я тут один, коек-то вон сколько? По всем каналам кричат, что тюрьмы забиты до отказа, что в шестиместных камерах по двенадцать-пятнадцать человек сидят. А я один...

(Вскакивает, бежит к двери. Колотит в нее руками)

Мужчина: Эй, приведите мне кого-нибудь, слышите? Я требую, требую человека! Слышите, я требую! Я уже не могу тут находиться один. Приведите мне человека, хотя бы одного. Мне надо с кем-то поговорить или я сойду с ума. Вы слышите? Я сойду с ума, и вы будете виноваты в этом. Это будет на вашей совести, я клянусь вам, даже если я умру, а я умру, я вас просто так не

оставлю, я буду вам сниться, я достану вас где бы вы не были. Слышите? Приведите мне человека, мне надо с кем-то поговорить!.. Ну, подождите, я вам тут устрою...

(Бросается к нарам, пытается оторвать их от стены, в бессилии сбрасывает одеяло и матрас на пол)

Мужчина: Вот! Вот, что мне надо... я вас... я вас достану, я вас с того света достану!!!

(Вырывает из нар железный прут, подбегает к двери, в исступлении пытается выбить прутom дверной глазок)

Мужчина: Ну же,.. ну где вы? Идите ко мне, хоть кто-нибудь, я вас в порошок сотру. Дайте, дайте мне поговорить с кем-нибудь!..

Хорошо, если вы меня не слышите, то будьте вы прокляты! Эй! Я хочу с кем-нибудь поговорить. Приведите, приведите мне следователя, моего адвоката, я добьюсь перевода в другую камеру, слышите, я не могу находиться здесь один. Я прошу вас, я прошу... Смотрите, я стою перед вами на коленях, я прошу вас, приведите мне человека, я умоляю вас, я буду молиться за вас каждый день. Хотите, буду молиться каждый час, только приведите мне кого-нибудь, я прошу...

(Тишина. Взгляд мужчины застывает, глаза его становятся стеклянными, но руки с невероятной скоростью оцупывают прут)

Мужчина: Людка, забери меня отсюда, забери, прошу. Всё. Сдался я. Руки мои опустились, не поднять их уже. Я ж беспомощный совсем. Вымотался... Всё, забери, не могу больше. Хватит мне тишины этой, хватит одному сидеть, мне надо в глаза кому-нибудь посмотреть, мне надо запах чей-нибудь услышать, мне надо, очень надо... Я скулить скоро тут начну. Будь все проклято! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!..

(Мужчина начинает тереть один конец прута о бетонный пол)

Мужчина: Проклинаю, всё проклинаю, себя проклинаю, и руки мои слабые - проклинаю. Город этот пыльный и страну эту проклятую, тоже проклинаю, и мир этот долбанный проклинаю. Гори все синим пламенем. Биржи эти и лесозаготовки, депутаты и таксисты, высотки эти стоэтажные, все пусть сгорит, даром не надо! Никому не надо! Так будь же все проклято! Господи покарай нас за дела наши! За все, что мы творим на этой земле, землю переверни, сожги все к чертовой матери, чтоб ничего не осталось. По

камешкам разнеси, в прах постирай! Дай нам сдохнуть скорей! Разорви круг этот!..

(Падает на пол. Отбрасывает прут в сторону)

Мужчина: Ой, прости Господи, прости душу мою грешную. Всё, всё, всё. Не надо больше ничего. Молчи, молчи. Сам говорю. Сам с собой говорю. Прости ты меня Господи за слова мои. Я сейчас, сейчас... быстро успокоюсь, усну, как полагается... сейчас... вот вспомню сейчас и все...

Мне только вспомнить, только вспомнить. Сейчас, как же там бабка меня учила? Вот. Сейчас. Вот... Дыхание-то аж перехватило. Сейчас. Вот... И даждь нам, Владыко... на сон грядущим, покой тела... и души, и сохрани нас от мрачного сна греховного... и от всякого темного и ночного сладострастия. Укроти стремления страстей, угаси разжженные стрелы лукавого, яже на ны льстиво движимыя. Плоти наша востания утоли и всякое земное и вещественное наше мудрование успй. И даруй нам, Боже, бодр ум, целомудр помысл, сердце трезвящееся, сон легок и всякого сатанина мечтания изменен. Возстави же нас во время молитвы, утверждены в заповедех Твоих, и память судеб Твоих в себе твердо имуща. Всенощное славословие нам даруй, во еже пети и благословити и славити пречестное и великолепое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

(Сворачивается клубком. Пытается уснуть прямо на полу)

Мужчина: Нет, не выйти из тишины этой... не найти мне покоя... нету его тут. Нет его на земле этой. И не будет никогда... Но есть он, покой этот... есть...

(Садится спиной к стене. С головой укрывается одеялом. Тишина. Из-под одеяла появляются руки, они медленно нащупывают прут, и опять исчезают под ним)

Мужчина: Покой... он... не знаю... но... есть... есть он... Людка, я иду...

(Через несколько секунд мы слышим звук похожий толи на хрип, толи на захлебывание. И снова Тишина)

Конец.

апрель-август 2008г.

